

УДК 94(476.5)«192»:394:070.23(1-21)(476.5)

Дискуссии о новом быте на страницах газет г. Витебска периода нэпа

Яковлева Г.Н.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

1920-е годы в СССР характеризуются внедрением новой советской безрелигиозной обрядности и дискуссиями в «верхах» по этому поводу. Сторонникам революционной обрядности Л. Троцкому и писателю В. Вересаеву противостояла умеренная позиция председателя Союза воинствующих безбожников Ем. Ярославского.

Цель исследования — рассмотреть, какое отражение нашли дебаты о новом быте на страницах газет г. Витебска, во-вторых, выявить, какие аспекты борьбы за новый быт больше всего волновали местных партийцев, комсомольцев и рабкоров.

Материалы и методы. Работа выполнена на основе материалов периодической печати 1920-х годов. Методологической базой являются принципы историзма, достоверности и объективности. В статье использовались как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-типологический), а также описательный метод, которые позволили выявить общее и особенное в характере дискуссий о новом быте, проходивших в советском обществе 1920-х гг.

Результаты и их обсуждение. Во второй половине 1923 — начале 1924 г. в Витебске и губернии начинается массовое внедрение нового быта по-советски в виде красных свадеб, празднования Нового года по-советски, красных крестин (или, как их стали называть, октябрин). Одним из средств его пропаганды стала местная печать. Номера газет полны материалов о проведении обрядов в новых советских формах (революционных свадеб, октябрин (коммунистических крестин)), проводившихся в городе и губернии, о праздновании Нового года по-советски, а также о многочисленных дискуссиях по поводу нового быта и приличного поведения. Общесоюзный контекст дискуссий просматривается на страницах витебской прессы достаточно хорошо. Наибольшие споры вызвала практика проведения октябрин. Радикальные предложения по организации «красных похорон» поддержки у местного населения не нашли. Все 1920-е годы продолжались дискуссии о разумных формах развлечений местного населения и необходимости изживания хулиганства, пьянства, сквернословия в рабочей среде.

Заключение. Дебаты в «верхах» о разработке и внедрении новой обрядности были знакомы на местах. Суть этих споров прослеживается в тематике и даже лексике заметок витебских газет. На местном уровне шли дебаты о конкретной практике проведения тех или иных советских обрядов (октябрин, красных похорон). Практика дарения подарков материального характера новорожденным воспринималась многими отрицательно, как затемняющая суть революционных крестин. Велись дискуссии о том, что в советских условиях понимать под приличным поведением, каким должно быть новое коммунальное жильё для рабочих, чем пагубны увлечения азартными играми.

Пик интереса к проблемам новой семейно-бытовой обрядности приходится на 1924—1926 гг. Позже количество публикаций на эту тему сокращается. В 1920-е гг. наибольшие изменения в сфере обрядов и праздников произошли среди молодежи, для которой традиционные стереотипы и правила поведения не были так важны, как для старшего поколения. В бытовых практиках местной молодежи утверждались свадьбы «без попа», венчание становилось формой девиантного поведения. Несмотря на споры о том, можно или нельзя комсомольцам танцевать, так и не были, да и не могли быть изжиты пресловутые «танцульки». Отзвуки споров о нацумевшем в 1920-е годы «половом вопросе» видны и в местной прессе.

Ключевые слова: «красные обряды», новый быт, октябрин, повседневность.

(Ученые записки. — 2016. — Том 21. — С. 37–46)

Discussions on New Type of Lifestyle in Vitebsk Newspapers during the New Economic Policy (NEP) Period

Yakovleva G.N.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The 1920-s in the USSR are characterized by the introduction of new Soviet religious-free rites and discussions on the level of authorities on this issue. The adherents of the revolutionary rites L. Trotski and writer V. Veresayev were opposed by a moderate position by Chairman of the Militant Atheists Union Yem. Yaroslavski. The reflection of these debates in Vitebsk newspapers as well as the aspects of fight for the development and introduction of «red rites» (red weddings, Soviet type baptizing, red funerals), which worried local Party leaders, Russian Communist Youth Union members, workers-reporters, is analyzed in the article.

Адрес для корреспонденции: e-mail: gnyakovleva@mail.ru — Г.Н. Яковлева

The aim of the article is to consider the reflection of debates on new lifestyle on Vitebsk newspaper pages and, secondly, to find out which aspects of the fight for new lifestyle worried local Party leaders, komsomol members and workers-reporters.

Material and methods. *The work is done on the basis of 1920-s periodicals. The methodological base is principles of historicism, reliability and objectivity. General scientific (analysis, synthesis, comparison, generalization) as well as special historical methods of the research (comparative historical, historical genetic, historical typological) were used in the article, as well as the descriptive method, which made it possible to find out the general and the special in the character of discussions on new everyday lifestyle, which took place in the Soviet society in the 1920-s.*

Findings and their discussion. *In the late 1923 – early 1924 in Vitebsk and the Region Soviet type of new lifestyle was widely introduced in the form of red weddings, Soviet celebrations of New Year, red baptizing or, as it was called, oktiabriny. Local newspapers became one of the means of their promotion. Newspapers were full of materials about new Soviet forms of old rites: revolutionary weddings, oktiabriny (Communist baptizing), Soviet way of New Year celebrations, which took place in Vitebsk and the Region, as well as about multiple discussions on new lifestyle and decent behaviour. The public context of discussions is visible on the pages of Vitebsk newspapers. The practice of oktiariny stirred much controversy. Radical ideas on «red funerals» were not supported by local population. During the 1920-s discussion went on about reasonable forms of local population entertainment and the necessity to eradicate hooliganism, drunkenness, filthy language in the workers' environment.*

Conclusion. *Debates on the authority level on the development and introduction of new rites and rituals were known locally. The idea of these debates can be traced in the topics and even vocabulary of Vitebsk newspaper articles. At the local level debates were about definite practice of various Soviet rituals (oktiabrini, red funerals). The practice of giving presents of material character to newly born babies resulted in the negative attitude, as the one which corrupted the idea of revolutionary baptizing. Discussions were about what was considered to be decent behaviour, about what new communal accommodation for workers should be like, about the harm of gambling.*

The peak of the interest in the issues of new family life rituals was in 1924–1926. Later the amount of publications on the topic reduced. In the 1920-s biggest changes in the sphere of rites and holidays took place among young people, for whom traditional stereotypes and rules of behaviour were not as important as for the older generation. In everyday practices of local youngsters weddings without priests became popular, engagement was considered as a form of deviant behaviour. In spite of discussions about whether komsomol members could or couldn't dance, dance parties did not disappear. Local newspapers also published debates on the notorious in the 1920-s «sex issue».

Key words: «red rites», new lifestyle, oktiabrini, everyday routine.

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 37–46)

Меняя мир, большевики пытались сломать и все традиционные структуры повседневности. Главной сферой вторжения партийно-государственных структур в жизнь людей стала семейная обрядность, связанная с рождением детей, заключением браков, этапами завершения жизненного пути. Ранее эти области человеческой повседневности регулировались нормами церкви и социальным статусом семьи.

В условиях нэпа, когда вопросы идеологии были еще предметом дискуссий, по мнению А. Соколовой, сформировались три точки зрения на роль государства в развитии новой советской безрелигиозной обрядности: (1) полное отсутствие администрирования и интереса к новой обрядности со стороны государства (Ем. Ярославский (1878–1943)), (2) отсутствие прямого администрирования при сильном внимании государства к новой обрядности (Л. Троцкий (1879–1940)) и (3) активное государственное администрирование, разработка и последующее внедрение новой обрядности в административном порядке (В. Вересаев (1867–1945)). В первой половине 1920-х годов на практике преобладает точка зрения Л.Д. Троцкого [1]. В 1923 г. он написал серию статей, включенных в знаменитый сборник «Вопросы быта». В материале «Семья и обрядность», советуя подмечать ростки новой обрядности, возникающие на местах, Л. Троцкий отметил: «Но, не регла-

ментируя этого творческого процесса, нужно уже сейчас всячески помогать ему. [...] Всякие новые формы, зародыши новых форм и даже намеки на них должны попадать на страницы печати, доводиться до всеобщего сведения, пробуждать фантазию и интерес и тем толкать коллективное творчество новых бытовых форм вперед» [2].

Цель исследования – рассмотреть, какое отражение нашли дебаты о новом быте на страницах газет г. Витебска, во-вторых, выявить, какие аспекты борьбы за новый быт больше всего волновали местных партийцев, комсомольцев и рабкоров.

Материал и методы. Работа выполнена на основе материалов периодической печати 1920-х годов, которые сохранились в Государственном архиве Витебской области. Методологической основой являются научные принципы историзма, достоверности и объективности. В статье использовались как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-типологический), а также описательный метод, которые позволили выявить общее и особенное в характере дискуссий о новом быте, проходивших в советском обществе 1920-х гг.

Результаты и их обсуждение. Во второй половине 1923 – начале 1924 г. в Витебске и

губернии начинается массовое внедрение нового быта по-советски в виде красных свадеб, празднования Нового года по-советски, красных крестин (или, как их стали называть, октябрин). Одним из средств его пропаганды стала местная печать. Номера газеты «Известия Витебского губисполкома и губкома РКП» за 1924 г. полны материалов о проведении обрядов в новых советских формах. В разделе «Рабочее житье-бытье» была рубрика «Новый быт», где сообщалось о революционных свадьбах, коммунистических крестинах, проводившихся в городе и губернии, праздновании Нового года по-советски, а также о многочисленных дискуссиях по поводу нового быта. Газета попыталась ввести новую рубрику «Почему этого нет у нас?», в которой собиралась помещать разные сообщения столичных и провинциальных газет об удачных и достойных подражания практических формах культурного строительства в других местах СССР. Первой публикацией стала перепечатка 8 февраля 1924 г. из «Рабочей газеты» (органа Московского комитета РКП(б) и Моссовета) статьи «Борьба за новый быт». В ней приводились многочисленные примеры инициатив рабочей молодежи по борьбе с хулиганством, руганью и матерщиной в своей среде и фактов создания обществ «Борьбы за новый быт» или «кружков культурной речи» в разных губерниях страны [3, л. 92]. Новая рубрика не прижилась, но общесоюзный контекст дискуссий по поводу нового быта просматривается на страницах витебской прессы достаточно хорошо.

Интересно, что на страницах витебской газеты споров о том, в какой форме проводить свадьбу, фактически не велось. Среди партийцев и комсомольцев свадьбы «без попа», несомненно, получили распространение, участие в смотринах, свадьба с венчанием рассматривались как серьезное нарушение партийной дисциплины. Однако старшим поколением и особенно в деревне новые формы заключения брака воспринимались отрицательно («собачья свадьба» — известное выражение тех лет). А вот вопросы о том, как относиться к новым формам имянаречения и организации ухода человека из жизни, вызвали дискуссию.

Объектом вытеснения становится таинство крещения, в ходе которого ребенку давалось имя, новорожденный вступал в ряды рабов Божьих. По аналогии с другими красными праздниками-«заместителями» появились «красные крестины» (октябрины). За основу нового советского обряда имянаречения — октябрин — брался старый сценарий, но происходило наполнение его новым содержанием и символами [4, с. 168]. В ходе октябрин родители политически социализировались,

так как именно они порывали с религиозной традицией. Выбор имен носил принципиальный характер, осуществлялся не по святым, а голосованием на собрании или имя предлагалось руководством местной партийной или комсомольской ячейки. Детей называли новыми революционными именами либо в честь коммунистических вождей.

В «Известиях» 3 января 1924 г. была опубликована статья «Старый быт дает трещину». В ней утверждалось, что бывшие недавно диковинкой советские крестины становятся «повседневным, почти заурядным явлением», но это «... покамест только внешнее проявление нового быта, советизации нашей частной, личной жизни» [3, л. 6]. И тут же сообщалось сразу о трех случаях проведения красных крестин в городе. «Октябрили» новорожденных, родители которых работали на железной дороге, в строительстве и на маслозаводе № 33. На торжественных собраниях мальчики получили имена Пионер, Ким, Маркс, Виль. Двум девочкам-близнецам рабочего-кузнеца Пескина дали имена Лена (в память о Ленских событиях)¹ и Кома («в память незабвенной Парижской Коммуны»). Маркс получил подарки от партийной ячейки и администрации маслозавода № 33 и шефов. Его приветствовали представитель 2-го райкома РКП и заведующая отделом по работе среди женщин райкома. Мальчик Виль, девочки Лена и Кома от ячеек РКП и РКСМ, от губотдела профсоюза строителей получили коляску, люльку, подушечки и красные шелковые одеяла. Маркс Аксельрод был зачислен красноармейцем в подшефную воинскую часть и стал седьмым членом ячейки РКСМ маслозавода. Детей, чьи родители являлись членами профсоюза строителей, зачислили юными пионерами звена им. Спартака и Клары Цеткин и вручили значки и удостоверения с надписью «Будь готов!».

Подобная схема проведения октябрин стала стандартной, варьировались только имена, качество и количество подарков, шефы, которые брали над детьми идейное шефство, и то, куда зачисляли детишек в почетные члены (в РКСМ, пионеры, члены профсоюза). В феврале газета уже сообщала о красных крестинах в Орше, Полоцке, некоторых деревнях. Полоцкие таможенники назвали сына своего коллеги Марксом. Его шефом стала ячейка РКП, профсоюз советских работников зачислил младенца в члены профсоюза и

¹ Ленские события — трагические события 4(12) апреля 1912 года, в ходе которых была применена сила против рабочих Ленских золотых приисков, расположенных в районе города Бодайбо в Сибири. Ленский расстрел вызвал массовые стачки и митинги протеста, в которых участвовали около 300 тыс. человек.

освободил от уплаты взносов как безработного [3, л. 83 об.]. На станции Орша проводили советские крестины в годовщину 5-летия со дня убийства К. Либкнехта. Отец-партиец передал сына представителю РКП с надеждой, что партия воспитает из него настоящего коммуниста. Тот, принимая младенца, пообещал от имени партии, что обязанности, возложенные отцом на партию, будут выполнены и передал ребенка представителю РКСМ для воспитания. Секретарь РКСМ, в свою очередь, сообщил, что малыш зачислен кандидатом в члены РКСМ, вручил ему кимовский значок¹, огласил имя новорожденного – Карл [3, л. 83 об.].

Как правило, родители либо сами торжественно обещали воспитать младенцев преданными идеям революции, либо обращались к партийному руководству завода, уезда или «волостному комитету РКП(б) и РКСМ воспитать сына как будущего борца за идею коммунизма» [3, л. 105 об.]. Иногда корреспонденты, сообщая о красных крестинах, прямо называли секретаря ячейки РКП «приемным отцом». Например, в Полоцке таковой на общем собрании профсоюза советских работников заявил, что «новорожденный Владимир будет достоин звания сына РКП», а шефы – профсоюз – вручили младенцу почетный членский билет, коляску и одеяло [3, л. 93 об.].

Секретарь ячейки витебского кожевенного завода Мергольд предложил назвать девочку беспартийного рабочего Бабера именем Деяна в честь событий 9-го января 1905 года [3, л. 83 об.]. Кстати, встречается и имя мальчика – Дян [3, л. 149]. Интересна трактовка местными партийцами имени Леонид – в честь «Ленских событий» [3, л. 126 об.].

21 января 1924 г. скончался В. Ленин. Поэтому, наряду с именами в честь К. Маркса, К. Либкнехта, в честь 9-го января, детишек часто называли именами Виль, Нинель, Лена или Ленина. В клубе им. Парижской Коммуны во время октябрин девочку называли Лениной и исполнили похоронный марш в память о вожде [3, л. 86].

Упоминаемые на страницах печати крестины проходили в значимом месте, как правило, в клубе, где всегда были красные зна-

мена, стол, покрытый алым сукном, портреты вождей. Обязательное торжественное заседание с приветствиями партийных и профсоюзных руководителей часто включало в себя развенчание таинства крещения и разъяснение значения крестин по-советски («как далеко ушли мы теперь от всех нашептываний и поливаний»). На сцене присутствовал почетный караул пионеров, после оглашения имени ребенка подносили к красному знамени, привязывали к пеленкам красные банты, пели «Интернационал». После этого начинались спектакли, концерты художественной самодеятельности, спортивные вечера, чаепития.

Верхом щедрости стали красные октябрины в конце января 1924 г. на фабрике «Двина». Для них ячейка РКП(б) специально выбрала беспартийного рабочего с 20-летним трудовым стажем. Прозвучали приветствия от управления фабрики, профсоюза текстильщиков, РКСМ. Девочка, названная в честь Ленских событий Лениной, получила 1 червонец, 32 аршина мануфактуры (ткани. – Г.Я.). Профсоюз записал ребенка в свои ряды, также и в списки безработных, обязавшись выплачивать ей пособие в течение 6 месяцев как безработной [3, л. 91 об.].

То, как проводились первые в городе крестины по-советски, вызвало дискуссию в печати. Рабкор С.Л. в феврале 1924 г. в заметке «Октябрины надо устраивать без подарков и зачисления в “почетные”» призвал читателей высказать свое мнение по этому поводу [3, л. 114]. Автор посчитал, что внедрение нового быта в Витебске приняло извращенные формы, т.к. многочисленные подарки затемняют истинный, идейный смысл октябрин, дают повод родителям устраивать праздник по-новому с целью материальной выгоды. Почему, задавал вопрос рабкор, не имея никаких заслуг, кроме просто факта рождения и рождения в рабочей среде, новорожденный зачисляется в члены профсоюза, да еще и в «почетные»? «Культурное шефство и наблюдение за воспитанием в советском духе – вот задача шефских организаций». Пока ребенок находится в младенческом возрасте, шефы должны следить за тем, чтобы мать воспитывала ребенка не по советам «бабок», а несла бы его в консультацию и ясли. Другие рабкоры, включившиеся в дискуссию, во мнениях разошлись. Одни считали подарки проявлением духа товарищества и коллективизма, не обременительными для рабочего кошелька [3, л. 120 об., 131 об.]. Приветствовали и практику давать младенцам имена вождей, т.к. это обязывает рабочий класс в целом и каждого рабочего в отдельности воспитывать детей так, чтобы быть достойными своего имени. Другие

¹ Кимовский значок – значок члена РКСМ. Пятый съезд комсомола 17 октября 1922 г. учредил единый значок для всех членов РКСМ, где на флажке размещалась аббревиатура «КИМ», что было вызвано принятой на этом съезде формулировкой: «Российский Коммунистический Союз Молодежи – секция Коммунистического Интернационала Молодежи». КИМ – Коммунистический Интернационал молодежи – международная молодежная организация, секция Коминтерна (III Коммунистического Интернационала) (1919–1943).

выступали против присвоения новорожденным имен вождей. «Может ведь в одно прекрасное время случиться такой казус, когда личность, носящая имя вождя, окажется недостойной быть в нашей пролетарской среде» [3, л. 120 об.]. Отзвуки дискуссии явно проявились в том, как чуть позже «октябрили» детей председателя фабзавкома очковой фабрики Бейлинсона и рабочего Вингера. Здесь подарками были только портреты вождей, имена которых получили дети (мальчика назвали Вилем в честь В.И. Ленина, девочку — Розой в честь Р. Люксембург). А сами крестины характеризовались «деловитостью, отсутствием лишних и красивых слов, буффонады и прочего, делающего крестины каким-то актом бесцельного словоизлияния» [3, л. 131 об.]. Без подарков прошли октябрины и в 15-м полку. На октябринах у ребенка командира 1-го батальона этого полка т. Чибинцева и его жены присутствовали представители от женотдела, губкома РКП(б), профсоюза щетинщиков. Малыша, названного Владимиром, зачислили в красноармейцы полка и юные пионеры. До 8-летнего возраста его обязались воспитывать полковая ячейка РКП и командование полка [3, л. 147].

Надо признать, что дискуссия о формах проведения октябрин была услышана руководством губернских профсоюзов. «В связи с тем, что многие союзные организации тратят средства из культфонда на проведение “Октябрин”, президиум ГСПС признал в принципе недопустимым тратить средства из культфонда не по прямому назначению» [3, л. 161]. Фактами многочисленных октябрин в Витебске, местечках и деревнях губернии пестрели местные газеты на протяжении всего 1924 г. Однако постепенно волна организованных партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями крестин по-советски пошла на спад.

Следующим аспектом начавшейся в газете дискуссии о новом быте стала проблема похорон. Эта сфера, как и брачно-семейные отношения, в дореволюционный период жестко регулировалась церковью. До 1917 года похороны лиц, крещенных в православии, регламентировались Уставом Русской православной церкви. Похоронить человека, минуя церковное отпевание и участие священника в похоронной процессии, было практически невозможно. В дореволюционном обществе, строго разделенном по чинам и сословиям, правила погребения соответствовали тому месту в социальной структуре общества, которое занимал покойный. После октября 1917 г. вслед за идеей гражданского брака стала реализовываться и практика гражданских похорон. Принятие декрета СНК РСФСР от 20 января 1918 года «Об отделении церк-

ви от государства и школы от церкви» и декрета СНК РСФСР от 7 декабря 1918 года «О кладбищах и похоронах» привело к упразднению сословно-иерархической системы похорон и обязательности религиозного похоронного обряда [1]. Идею красных похорон «без попа» стали поддерживать и на партийно-государственном уровне. Хотя даже Троцкий признавал, что для широких масс в рамках всей новой советской обрядности «несравненно труднее обстоит дело с погребением. Хоронить в землю неотпетого так же непривычно, чудно и зазорно, как и растить некрещеного» [2]. Очевидно, что дискуссии об этой стороне нового быта затронули и местных активистов, и партийцев. В заметке «Давайте обсудим (О быте)» автор озаботился вопросом о том, как устроить по-новому похороны. Он утверждал, что многие из крестьян уже осознали всю ненужность разных поповских обрядностей, но без некоторых из них в деревне трудно обойтись. Если мы без труда можем устроить октябрины, красный брак, то красные похороны в деревне устроить почти невозможно. Он признавал, что без «отпевальщиц и чтецов» и их «завываний» не обойтись, т.к. они помогают убитым горем родственникам хоть на время забыться, а во-вторых, без этого никто не придет посидеть и помочь справиться с тяжелой и неприятной работой по похоронам [3, л. 65 об.]. Продолжил дискуссию один из самых активных рабкоров газеты — М. Грибов, судя по лексике его заметок, несомненно, знакомый с работами Л. Троцкого. «Новый революционный быт — это вопрос большой величины и сложности. Но сам быт состоит из маленьких мелочей. Мы должны на каждом шагу бороться со всем старым, косным, внушенным нашим предкам царями и богами». Вспоминая недавние похороны товарища по партии, он писал, что несовместимы кресты и памятники со священными надписями рядом с революционными лозунгами на венках, странно звучали революционные песни и речи на этом месте. Он предложил создать братские кладбища для неверующих, чтобы и «после смерти избавить наших товарищей от религиозного окружения» [3, л. 102 об.]. В дискуссию включился архитектор Гаммер, увидевший в спорах о похоронах помимо антирелигиозного аспекта еще и проблему градостроительную и эстетическую. Он предложил строить «крематориумы» как единственный культурно и эстетически приемлемый способ бытового решения вопроса, а кладбища сделать прекрасными общественными садами и парками, убрав от туда деревянные, жестяные и каменные украшения. По его мнению, строительство галерей с урнами дало бы возможность людям

любых убеждений, религиозных или антирелигиозных, спокойно «хранить останки близких по семье, партии, взаимоотношениям» без излишних устаревших бытовых ритуалов и украшений [3, л. 124 об.]. Однако дискуссия о практике гражданских, красных похорон не получила дальнейшего распространения на страницах витебских газет.

Помимо дебатов о том, как должны проходить советские октябрины, свадьбы или похороны, имелся еще ряд аспектов повседневной жизни людей, требовавших, по мнению местных рабкоров, разрыва с дореволюционной традицией. Что считать хорошим тоном, признаком приличного воспитания? В 1924 г. в «Известиях Витебского губкома РКП и губисполкома» появилась заметка рабочего-обувщика «Что лучше: покупать ли торты и цветы или помочь беспризорным детям?». Автор писал о том, что после окончания пьесы «Диамериканерн», проходившей при участии артистки М. Либерт во 2-м театре, группа рабочих щетинной фабрики, желая доказать «свой хороший тон, преподнесла артистке... большой торт и вазу цветов». Это вызвало возмущение у части рабочих, т.к. преподнесение подарков говорит «не о высоком тоне щетинщиков, а скорее всего напоминает привычку старой буржуазии бросать на сцену труженикам-актерам крохи от своего стола». Если уж щетинщики слишком хорошо материально обеспечены — поскольку они тратят свои деньги даже на цветы и торты — то лучше бы, по мнению рабкора, они передали их в фонд помощи беспризорным детям [3, л. 206 об.]. Не считали местные общественники признаком хорошего тона и возродившуюся в условиях нэпа практику «чаевых». «Столовые, рестораны, кафе начали посещать нэпманы, биржевики со своими окриками “человек” и с подачками на чай за хорошее обслуживание». По мнению авторов публикаций, «чаевые» — это один из самых скверных видов филантропии, что получать их унижительно. Надо вести с ними борьбу, разъяснять рабочим и официантам, что «подачка на чай не является желанием со стороны дающего повысить заработок, сколько желанием унижить его» [3, л. 120 об., 161 об.]. Рассчитывали получить на чай почтальоны и рассыльные почтово-телеграфных предприятий, доставлявшие корреспонденцию на дом. Автор заметки требовал озаботиться профсоюзу и администрации повышением их материальной обеспеченности и объявить борьбу чаевым, которые унижают человеческое достоинство и заставляют человека раболепствовать [3, л. 195].

Не вписывалась в новую жизнь и увлеченность горожан азартными игра-

ми. Необходимость помогать голодающим Поволжья, беспризорным детям, инвалидам войны вынудила государство разрешить развлечение, носившее азартный характер. 3 января 1924 г. при столовой Красного Креста в центре города был открыт коммерческий клуб «Лото» с карточными играми [3, л. 15 об.]. А в феврале уже развернулась целая кампания с требованием закрыть лото и все карточные заведения города. Рабкор Б. Пуринсон призвал профсоюзы города немедленно потребовать закрытия лото, т.к. на их удочку попадают на 90% рабочие и крестьяне, оставляющие здесь по копейке заработанные рубли. Если в Москве и Ленинграде лото оправдано тем, что «выжимает» из нэпорыловых монету в пользу советского государства, то в Витебске подобная цель не оправдывает средства. «Если лото и приносит прибыль, то моральное разложение и материальный убыток, который приносит рабочим, в десятки и сотни раз больше» [3, л. 89]. Заметки, требующие закрыть клубы с лото и карточными играми, механический ипподром, печатались вплоть до официального запрещения игорных заведений в СССР в 1928 г. Однако игры в лото и карты так и остались привычными формами досуга, переместившись в домашнюю, частную среду.

Одной из самых злободневных тем, которая регулярно поднималась на страницах газеты, была проблема организации новых форм досуга и роли танцев в жизни молодежи. На протяжении всех 1920-х гг. комсомольцев беспокоил вопрос о правомерности танцев в жизни коммунистически сознательной молодежи вообще. Либо они пытались танцы, проводимые деревенской или «мещанской» молодежью, противопоставить комсомольским вечеркам (красным вечеринкам), организуемым ячейками союзной молодежи. Комсомолец М.А. в заметке «Клуб для свадебных танцулек» в феврале 1924 г. возмущался тем, что в клубе фабрики «Красная Звезда» в Бочейковском уезде вместо кружка можно видеть «ожесточенно вертящихся, танцующих людей. Все просто: сначала была в церкви свадьба, а потом в рабочем клубе устроили “венки” (танцы в честь свадьбы, после венчания)» [3, л. 155 об.]. В 1926 г. комсомольцы поднимали вопрос о том, что та или иная ячейка принимала решение не ходить на «пьяные вечеринки» и не танцевать, но часто об этом забывали даже секретари ячеек, пускаясь на свадьбах в пляс. Один из них при этом даже порвал свои боты и потерял часы [5, л. 38]. В «Заре Запада» автор заметки «Можно ли танцевать?» предложил обсудить решение высочанской сельской ячейки о том, что комсомольцы могут танцевать только на красных вечеринках в клубе,

но не должны ходить на деревенские вечеринки, где собирается вся деревенская молодежь. По мнению корреспондента, на деревенской вечеринке отказываться танцевать неправильно. Ведь этим комсомольцы отделяют себя от всей деревенской молодежи, а ради привлечения самой сознательной ее части в комсомол на деревенских вечеринках можно и потанцевать [5, л. 49]. Весной 1927 г. эта тема зазвучала несколько в ином ракурсе. Ф. Лабетский в статье «Недостатки культурной работы (В порядке обсуждения)» констатировал, что танцы являются неотъемлемой частью всех вечеров. Однако комсомольцы не очень активничают в художественной самодеятельности, но зато чрезвычайно активны в танцах. По мнению автора, вместо «фокстротовщины», угрожающей молодежи, надо взять твердый курс на привитие разумных форм развлечения, включающих в себя физкультуру, новые игры, производственные танцы, музыкальные кружки, инсценировки. Нужно помнить, «во-первых, что все хорошо в меру, во-вторых, не все танцы полезны, многие из них просто вредны для здоровья, чем и понижают интенсивность на производстве» [6, л. 173 об.]. Однако, очевидно, что борьба против «танцулек» завершилась поражением. Истребить их как одну из традиционных форм досуга, особенно в деревне, не удалось даже самым рьяным сторонникам «разумных» развлечений.

Дискуссии о проблемах семьи, брака, пола являлись неотъемлемой частью общественной и литературной жизни 1920-х годов. У всех на слуху были произведения Б. Пильняка, П. Романова, С. Малашкина, затрагивавших эти темы. Один из рассказов П. Романова назывался «Без черемухи». «Метафорическое его название быстро стало нарицательным — как синоним грязных, пошлых, невозвышенных эмоциональных отношений, тех самых, против которых протестовала героиня» [7]. Одно из самых популярных в 1920-е годы произведений, изображающих уродливость концепции свободных отношений между мужчиной и женщиной, — сочинение С. Малашкина «Луна с правой стороны, или Повесть о необыкновенной любви», опубликованное в литературном отделе «Молодой гвардии» в 1926 году. С конца этого года в прессе множились письма протеста, на молодежных собраниях в вузах и университетах обсуждались и осуждались опубликованные тексты.

К местным дебатам по поводу литературных произведений, затрагивавших вопросы молодежного быта и половой распущенности среди студентов, «Заря Запада» обратилась в начале 1927 года. Газета 30 января сообщала,

что юношеской секцией Дома просвещения организуется литературный суд по произведению П. Романова «Без черемухи», и пригласила на него партийцев и комсомольцев, а также членов профсоюза работников просвещения. Через несколько дней в рубрике газеты «За здоровую молодежь» появилось две заметки «С черемухой или без нее?» и «Без черемухи», где излагались взгляды на рассказ Романова и поднятые им вопросы двух основных оппонентов в ходе произошедшего суда. Один из них посчитал рассказ Романова клеветой на студенческую молодежь, не согласился с тем, как показан студенческий быт (грязь, нечистоплотность, небрежность). Главную героиню, утверждавшую, что среди студентов нет любви, а есть только половые отношения, и желавшую любви с черемухой, обозвал мешанкой, поклонницей поцелуев, воспитанницей нежной мамочки, а главного героя, если признать, что таковой есть, — запутавшимся интеллигентом, прогнившей личностью и жеребцом, не заслуживающим нашего внимания. Мнение второго оппонента было противоположным. Он отметил, что Романов устами героини хотел протестовать против «есенинских типов, против неяршливости, против животной любви», пытался показать «наш быт и его изъяны», которые действительно есть, и не согласился с тем, что «желание черемухи» — это мешанство. В черемухе ничего опасного нет. Надо только приветствовать тягу студентки к хорошему и светлому в отношениях. И тут же, в духе классовых клише того времени, утверждал: «Пьянство, хулиганство, половые извращения не способствуют пролетарской революции, поэтому это безнравственно». Выступавших было много. Но авторов заметок не удовлетворило то, что суд приговора не вынес, вопрос «С черемухой или без?» остался без ответа. Кого же или что же надо было судить: П. Романова за клевету, героев повести или судить факты общественной значимости? [6, л. 46 об., 54 об.]. Эти недосказанность и неясность не понравились некоему Рупору, который в своей статье «Против упрощенцев и вырожденцев» внес ясность в «вопрос о черемухе» совсем в духе новых партийных установок. А они понятно свидетельствовали о курсе партии на укрепление семьи и ее ответственности за родившихся детей, на борьбу против предыдущих теорий о свободной любви, «стакане воды» и т.д. Упрекая одного из участников суда в игнорировании очевидного, автор вспомнил и «десятикратные и двадцатикратные связи с загсом и без», и муки тысяч женщин-алиментщиц, и растущий сифилис, и десятки тысяч детей, «родившихся без черемухи, брошенных и зав-

шивленных». Упрощенчество в виде низведения любви к половому акту уничтожает любовь, в результате «пресыщение, отвращение, а в случае частой практики — и размягчение мозга или прогрессивный паралич». «Черемуха» — это совсем не «мещанская герань, цветочки, вздохи, ахи». Это нежное, бережное, чуткое отношение к любимому существу, решительно исключающее взгляд на женщину как «на постельную принадлежность». Вывод автора был однозначен: любовь в коммунистическом обществе будет моногамией, но не лицемерной, буржуазной моногамией, любовь только с черемухой, без сифилиса, без полного телесного и душевного разлада. Другого выбора нет [6, л. 61 об.]. Дискуссия имела продолжение, когда в апреле 1927 года газета сообщила о состоявшемся диспуте по произведению С. Малашкина «Луна с правой стороны». Корреспондент Лев Южин сообщал, что оно вызвало резко отрицательную реакцию у всех выступавших. Дочь деревенского кулака Таня Аристархова стала защитницей ленинского дела, поехала учиться в Москву в Коммунистический университет имени Я.М. Свердлова. Попав там в омут разврата, она докатывается до 23-го мужа, капитулирует перед жизнью и покушается на самоубийство. Кратко пересказав сюжет, Южин особенно возмущался тем, как показал автор студентов Свердловского университета: «в желтых ботинках, английских костюмчиках, а девушек — в газовых платьях. Это ли не абсурд. Нелепость» [6, л. 190 об.].

Акценты, расставленные в ходе витебских дискуссий, явно свидетельствовали, что здесь хорошо уловили главную задачу текущего момента, как ее понимали партийные органы: «нужно было направить дебаты в русло “спокойного признания” второстепенности вопросов быта по сравнению с другими вопросами новой пролетарской морали и перенаправить (сублимировать) энергию из области половой жизни в область полной самоотдачи коммунистическому строительству» [7].

Однако помимо тех аспектов борьбы за новый быт, которые вызывали дискуссию в столице, «сверху», а потом обсуждались в регионах, можно увидеть и местную специфику. В 1926 г., в связи с планами строительства в Витебске нескольких каменных многоэтажных домов для рабочих, развернулась дискуссия о том, каким должно быть это жилье. Домам следовало иметь центральное отопление, электричество, парк или сад с небольшой площадкой для игр. Авторами предлагалась коридорная система с квартирами в одну-две комнаты. В каждом доме должны находиться одна общая столовая, прачечная, одна кух-

ня. Столовую и кухню следует обслуживать какой-либо организации. Это спасет сотню женщин от неизбежной лишней траты времени и труда на приготовление пищи. А квартиры без ванн, кухонь, клозетов, по мнению автора статьи, будут более опрятными и гигиеничными и дадут возможность увеличить количество квартир. Другой участник обсуждения коммунального жилья предложил устанавливать в столовой сцену и киноустановку, что сделало бы столовую еще и культурным очагом. Авторы спорили о том, иметь ли одну кухню на весь дом или еще добавить железную плитку для разогрева молока в каждую квартиру или только на каждом этаже. Предлагая разместить уборные на каждом этаже, они считали, на сколько квартир должна приходиться одна уборная, чтобы не было грязно [5, л. 34, 48 об.]. Реализацию подобных замыслов оценили сами жильцы уже в 1929 году. К сожалению, идиллической жизни не получилось. Автор под псевдонимом «Жилец» описал бытовые реалии в новом коммунальном доме на 3-м этаже. Ими стали постоянные склоки и очереди по утрам у уборной, когда все спешат, всем нужно, а уборная одна; беспорядок в коридоре, грязь в общей кухне, протекающие раковины. Комендант в ответ на жалобы жильцов отвечал: «Нешто я дом этот строил? Строители пушай и отвечают» [8, л. 10 об.]. Вместо нового советского коммунального (общественного) быта получилась прозаическая коммуналка.

Новый быт предполагал и разумные развлечения. В это время появляется много публикаций о необходимости организации массовых выездов трудовых коллективов на природу за город (споры — с пивом или нет?), в качестве таковых упоминаются маевки, популяризируются физкультура и спорт, отдых в санаториях и домах отдыха, лагерях для пионеров. Пропагандируются детские площадки, которые должны стать, особенно в деревне, элементом нового быта, способствовать оздоровлению и воспитанию детей, пока их матери будут работать на производстве. Корреспондентка М. Рубина, описывая хорошую работу «1-го еврейского детского очага», отмечала, что через дошкольное воспитание надо идти к новому быту. Воспитатели вместе с родительским комитетом могут повлиять на жизнь и быт рабочих, способствуя изживанию религиозных предрассудков, привитию культурных привычек, обучая родителей воспитанию детей [5, л. 88 об.]. И если одни матери с опаской смотрели на детские ясли, сады и площадки, другие выступали с достаточно радикальными инициативами, хотя, надо признать, совсем в духе времени. Так, в апреле 1926 года «Заря Запада» всяче-

ски поддержала инициативу работницы-корреспондентки А. Бизуновой, предложившей создать временный летний дом ребенка, куда мать-работница может сдать малыша, уезжая отдохнуть в дом отдыха [5, л. 140 об.]. Правда, продолжения эта инициатива, хоть и поддержанная газетой, не имела (либо из-за нехватки средств, либо из-за брутальности предложения).

«Бытовое фантазерство» (Троцкий) сочеталось с критикой неприглядных реалий пролетарской повседневности. Рабкоры волновали прозаичные бытовые проблемы: грязь на рабочем месте, отсутствие или недостаток производственной одежды, нехватка мыла, полотенца, кипяченой воды для питья, ручной мойки и т.д. [5, л. 6, 99 об.]. С 1926 года резко увеличилось количество заметок, в которых критиковались пьянство, сквернословие и хулиганство в рабочей среде. С одной стороны, перепечатывались статьи на эти темы из центральной прессы, с другой — массово стали публиковать дискуссионные материалы о медленной перестройке бытовых условий и культурного уровня местных рабочих, скуке, казенщине, а то и беспорядках, царящих в клубах. Если молодежь еще и находит себе занятие в клубах, то «старшее поколение подвизается в бильярдах, в пивных, за картами» [9, л. 32 об.]. Кроме «индивидуального» хулиганства в городе и окрестностях процветали настоящие «кулачные бои». В 1926 году о таком систематическом «коллективном хулиганстве», процветавшем на Городокском шоссе, писал Давид Штейн. Он предлагал властям и общественности бороться с хулиганством жестко и решительно. По его мнению, надо стремиться победить — чем скорее, тем лучше, — этого «внутреннего, опасного, сильного врага» [9, л. 28 об.].

Однако традиции держались крепко. Кулачные бои проходили в Витебске и еще в одном месте — на льду реки Двина в субботние и воскресные дни. П. Альхимович в статье «Против кулачных боев» описал в 1927 году эти бои, проходившие по ритуалу, «заведенному верно еще дедами». В 2 часа дня на льду реки напротив скотобойни начинают собираться сначала детишки 10–12 лет с одной и другой стороны, затем подростки, а потом и взрослые. И начинается бой, который длится до темноты, в котором участвуют, не считая зрителей, около тысячи «героев кулачного боя», причем, все они — рабочие, кустари и их дети. Эти бои пагубны не только потому, что наносят огромный вред здоровью и производству, а еще тем, что они являются «лучшей школой хулиганства», разлагающей молодое поколение. Автор считал, что простого разгона этих боев силами милиции мало, надо

вовлекать молодежь в физкультурные кружки, сделать работу клубов интересной, чтобы в них шла молодежь, проводить беседы и показательные суды над любителями махать кулаками [6, л. 85 об.].

В 1927 году рабкор А. Исакович поднял вопрос о сохранении на стекольном заводе «Новка» под Витебском двух старых фабричных традиций еще дореволюционных времен. Первый обычай — «шнуры», второй — «деды». «Шнуры» — обычай для квалифицированных рабочих, в жизни которых произошло какое-нибудь важное событие: женитьба, рождение ребенка, «перевели на другой верстак». По этому поводу изготавливалась из стекла палочка «аршина в два», вручалась герою дня с поздравлениями, а он должен был, приняв «шнур», послать за водкой, которая и распивалась на фабрике в рабочее время или после окончания работы. На фоне почти «интеллигентных» «шнуров» «деды» похожи на грубое вымогательство выпивки. К верстаку, на котором работал виновник торжества, привозили чучело на тачке («деда»), обвешанное гремящими пустыми бутылками, и обливали верстак и работавшего на нем водой. Автор заметки уточняет: «“Не замочивши, не пойдет работа”, — говорят мастера». Хотя многим, особенно девушкам, все это явно не нравилось, но отказывались редко, ведь если не обеспечить выпивки, то скажут, что жадный, разбросают инструмент, не дадут работать. По мнению рабкора, заводской комитет должен искоренять эти традиции, дорого обходящиеся производству [6, л. 173 об.]. Похоже, что некоторые традиции неистребимы, и сегодня по-прежнему частенько «обмывают» новую должность, первую зарплату и т.д.

Заключение. Таким образом, дебаты в «верхах» о том, нужна ли новая обрядность и какую роль должны играть государство и партия в ее разработке и внедрении, были знакомы на местах. Суть этих споров прослеживается в тематике и даже лексике заметок витебских газет. Но на местном уровне споры шли о конкретной практике проведения тех или иных советских обрядов (октябрин, красных похорон, встреч Нового года). Практика дарения подарков материального характера новорожденным воспринималась многими отрицательно как затемняющая суть революционных крестин. Велись дискуссии о том, что в новых советских условиях понимать под приличным поведением.

Во-вторых, материалы витебских газет показывают, что пик интереса к новой семейно-бытовой обрядности приходится на 1924–1926 гг. Позже количество публикаций на эту тему сокращается. Однако проблемы быта как такового не уйдут со страниц печатных страниц.

ти. Вторую половину 1920-х гг. рабкоров будут волновать вопросы сквернословия, хулиганства и пьянства в рабочей среде, плохих бытовых условий на работе, сохранения старых привычек в быту и на рабочем месте. Не вписывались в новый быт, но оставались актуальными азартные игры как форма досуга. Кроме того, большевики действительно пытались наладить систему организованного отдыха рабочих. Маевка меняет содержание и смысл и превращается в организованный выезд коллектива на природу. Развивается сеть санаториев, домов и баз отдыха. Рабкоровыми своими критическими заметками старались сделать их работу более эффективной. Пропагандировались новые формы и методы воспитания детей. Велись дискуссии о том, каким должно быть строящееся жилье для рабочих.

В-третьих, в 1920-е годы наибольшие изменения в сфере ритуалов, обрядов и праздников произошли в среде молодежи, для которой традиционные социально-психологические стереотипы, правила поведения не были так важны, как для старшего поколения. В бытовых практиках местной комсомольской молодежи утверждались свадьбы «без попа», теперь венчание становилось формой девиантного поведения. Несмотря на ожесточенные споры о том, можно или нельзя комсомольцам танцевать, так и не были да и не могли быть изжиты пресловутые «танцульки». Отзвуки споров о нашумевшем в 1920-е годы «половом вопросе» среди молодежи видны и в местной прессе.

Ряд «красных обрядов», инициированных в начале нэпа, не прижился в советском обществе в силу их несовместимости с народными и религиозными традициями. Интерес со стороны партийных элит к внедрению «крас-

ных обрядов» приходит в упадок. Падение Троцкого, начавшийся «Великий перелом» сместили интересы властей. Попытки реорганизации семейной обрядности возродятся только в начале 1960-х гг.

Сокращения:

рабкор – рабочий корреспондент;
РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи;
губком – губернский комитет РКП(б);
РКП(б) – Российская коммунистическая партия большевиков;
губотдел – губернский отдел;
фабзавком – фабрично-заводской комитет.

Литература

1. Соколова, А. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!» Эволюция похоронного обряда в Советской России / А. Соколова // Отечественные записки. – 2013. – № 5(56) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2013/5/nelzya-nelzya-novyh-lyudey-horonit-po-staromu>. – Дата доступа: 30.09.2015.
2. Троцкий, Л. Семья и обрядность / Л. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода [Электронный ресурс]. – М., 1927. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl917.htm>. – Дата доступа: 14.09.2015.
3. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). – Фонд 2289. (Коллекция периодической печати, тематических подборок периодической печати и неперIODических изданий). – Оп. 2. – Д. 93.
4. Бондаренко, Е.Д. Советские сценарии именоварения: диалог с традицией / Е.Д. Бондаренко // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4(46). – С. 166–171.
5. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 106. – Т. 1.
6. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 110.
7. Пушкарев, А.М. Из «тьмы» приватности на «свет» публичности (сексуальная этика в дискурсе художественной литературы и критики 1920-х гг.) / А.М. Пушкарев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2013/12/2006_4_pushkarev.pdf. – Дата доступа: 14.01.2016.
8. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 118.
9. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 106-б. – Т. 3.

Поступила в редакцию 22.04.2016 г.